

## КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА)

А.А. Бучек (Петропавловск-Камчатский)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 09-06-90726-моб\_ст).*

**Аннотация.** Представлены основные результаты эмпирического исследования категории времени на примере малых народов Севера. Демонстрируется возможность ее использования для анализа понимания ценностно-смысловых основ жизненного мира в ментальном пространстве личности.

**Ключевые слова:** ментальное пространство личности; категория времени; народы Севера.

Многообразное неформальное влияние времени как фундаментальной категории бытия и сознания на внешний и внутренний мир человека представлено в настоящее время в самых различных парадигмах – физической, обыденной, духовной, научной, вербальной и т.д. Существующее разнообразие подходов объединяется тем, что все характеристики времени представляют собой не набор и не сумму отдельных представлений, а «единство, синтезирующее материальный (внешний) и идеальный (внутренний) опыт человека» [11. С. 147]. Многоплановость, многогранность представлений, объединяемых понятием «время», многозначность и несогласованность данных представлений, множественность различных явлений («объективное время», «субъективное время», «биологическое время», «психологическое время», «социальное время», «астрономическое время» и др.) и аффективных переживаний временных процессов свидетельствуют о наличии неразрешенных проблем в постижении смысла категории времени в континууме бытия личности. В философии категория времени представлена как неотделимая от личности и ее образа мира: «время – внутренняя форма, привносимая в мир наблюдателем» (И. Кант), «закон деятельности ума» (Д. Юм), «зеркало», отражающее внешний мир, «преломленный» через сознание субъекта (М. Хайдеггер), «внутреннее сознание времени» (Э. Гуссерль) и т.д. Не случайно проблемой времени философы признают основной проблемой человеческого существования, проблемой человеческой судьбы (Н.А. Бердяев).

Феномен времени в психологии, в отличие от естественных наук и философии, рассматривающих его как форму существования бытия, изучается как субъективное отражение объективных временных отношений, на основе которого формируется целостное отношение личности ко времени ее жизни. В отечественной психологии личностно-временная проблематика разрабатывалась Б.Г. Ананьевым (1977) в его исследованиях жизненного пути человека, С.Л. Рубинштейном (1981) в теории о человеке как субъекте жизни, К.А. Абульхановой-Славской (1987, 1991), разрабатывавшей идею о жизненной стратегии личности, В.И. Ковалевым (1979), изучавшим организацию человеком времени жизни,

Е.И. Головахой и А.А. Кроником (1984) и др. Время как психологическая категория рассматривается через обращение к внутриличностным переменным, характеризующим человека от способности к развитию чувства целостности и непрерывности во времени до дефицита внутренней устойчивости. Еще С.Л. Рубинштейн подчеркивал важность субъективных представлений человека о времени как объективных показателей его развития: «...то, каким время «кажется» человеку... имеет вполне объективные основания. «Кажимость» – это и есть время, являющееся адекватной формой жизни человека... Субъективно переживаемое время – это... время жизни (поведения) данной системы – человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека» [10. С. 323]. Время признается объективным условием жизнедеятельности личности, одновременно с этим оно – продукт ее психической деятельности. Решающая роль в формировании отношения человека как личности ко времени принадлежит не биологическим, а социальным детерминантам (Е.И. Головаха и А.А. Кроник). Для человека прошлое, настоящее и будущее не просто течение времени, но и осознание себя в жизни, выбор жизненной позиции, построение своих индивидуальных ценностных ориентаций (Мухина В.С., 1984). По мнению ученых, время является «и универсальной, и коллективной, и индивидуальной ценностью, качественным параметром, вносящим свой вклад в организацию всех других ценностей» [11. С. 163]. Таким образом, время уподобляется призме, «сквозь которую человек видит мир безразлично, беспристрастно, проецируя в него собственные планы, ценности и интересы, прогнозы и воспоминания, несбывшиеся надежды и конкретные намерения» [14. С. 18], признается одной из наиболее значимых категорий, определяющих уровень психологического функционирования человека, смыслового и личностного развития [5]. Изучение категории времени в контексте ментальных характеристик личности имеет особое значение, поскольку время является «в буквальном смысле слова культурно-историческим феноменом» [12. С. 30]. Исследования показали, что в разных культурах в различные исторические эпохи понятие «время» и концепции времени претерпевают весьма существенные изменения. То, какой смысл

вкладывается в понятие «время» тем или иным народом, той или иной культурой, зависит от многих причин: особенностей жизнедеятельности, стиля мышления, целевой причины («энтелехии», по Аристотелю) каждого народа и его национальной культуры [15]. В ходе многочисленных экспериментов, обосновывающих исключительную роль фактора времени в процессе формирования сознания у детей, было установлено, что человек только тогда приобретает способность мыслить, сознательно относиться к миру, когда реальное историческое время культуры становится его личной биографией (Мещеряков А.И., 1974).

Обращение к исследованию категории времени в представлении малых народов Севера преследовало цель изучить через временные характеристики личности, как аборигенные жители понимают и интерпретируют для себя мир, на каких ценностно-смысловых основах базируется устройство их жизненного пространства (прошлого, настоящего, будущего), поскольку, как пишет Л.А. Штомпель, «представление о времени является ключевым в категориальной сетке мышления и в модели мира, выстраиваемой каждой культурой», более того, по мнению автора, «мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени» [15. С. 315].

Коренные народы Севера, или «малые» народы, – достаточно устоявшееся, хотя и не общепризнанное, определение для народов, проживающих на территории Севера России. Традиционными занятиями для них являются охота, рыболовство, собирательство, оленеводство, морской зверобойный промысел, художественные народные промыслы. Согласно Единому перечню коренных малочисленных народов в Российской Федерации проживают 16 коренных малочисленных народов Севера: алеуты, алыторцы, долганы, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нанайцы, нивхи, ороки (ульта), чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры [9]. Современный мир признает самобытность культур народов Севера, их «древнюю мудрость, чистоту и невозмутимое спокойствие», создавших «уникальную цивилизацию» и в целом обладавших «правдивыми сведениями о природе и человеке», которые позволяли этим людям не только существовать в экстремальных природных условиях, но и создать удивительную материальную культуру, моральный кодекс, народную медицину.

Историки констатируют, что этническая история малых народов Севера содержит немало волнующих страниц. Так, во второй половине XVII – первой четверти XVIII в., когда Московское государство рассматривало иноземцев только как потенциальных плательщиков ясака, поголовное объяснение аборигенов в некоторых районах приобретало характер открытого грабежа: «на отдаленной северо-восточной окраине Сибири, где контроль “сверху” практически отсутствовал, действия русских в отношении аборигенов приоб-

ретали особенно жесткие, а на Камчатке даже уродливые формы, когда казаки, чувствуя полную безнаказанность и свое военное преимущество над ительменами, стали вести паразитический образ жизни за счет ограбления иноземцев и эксплуатации холопов-ясырей» [3. С. 179]. В результате естественного стремления аборигенных народов сохранить свою независимость и свой образ жизни возникали многочисленные вооруженные кровопролитные столкновения, которые, как считают ученые, иначе чем войной назвать нельзя, более того, «занятие сибирской территории... на первых порах носило характер военной оккупации...» [8. С. 455].

В начале XX в., с приходом советской власти, малые северные народы в очередной раз были поставлены в ситуацию насильственной русификации, теперь уже под мощным идеологическим воздействием они вынуждены были осваивать не только русские традиции, язык, новый образ жизни, иное, непривычное для них социокультурное окружение, но и новую модель социальных отношений, привнесенную строящимся социализмом. Это требовало установления новых социальных связей, определения своего места в новых условиях, профессиональной реализации, встраивания себя в систему уже сложившихся социокультурных отношений. Естественно, что в результате таких преобразований были нарушены наработанные многовековым опытом традиции и уклад жизни северных народов, которые, к тому же, как правило, вели кочевой или полукочевой образ жизни. Психологи утверждают, что «изменение образа мира предполагает сдвиг образа жизни и, наоборот, изменение образа жизни оборачивается изменениями в образе мира человека» [4. С. 86]. Учитывая, что «на крайнем Северо-Востоке Сибири встреча русских с аборигенами представляла собой встречу представителей совершенно разных культур, психологий и ментальностей» [3. С. 179], можно предположить, что переживаемые коренными народами Севера социальные изменения оказали влияние на образ их жизненного мира, как объективного, внешнего, так и субъективного, внутреннего. Безусловно, это отразилось и на психологических связях аборигенных этносов со своей природной территорией, поскольку довольно часто процесс «русификации» сопровождался переселением коренного населения из мест традиционного проживания (стойбищ) в села и поселки. Известно, что природная территория определяющим образом влияет на формирование хозяйственно-культурных типов этнических общностей, их духовной культуры и психического склада (О.А. Гончаров, Н.М. Лебедева, Ю.Н. Тяповкин и др.). Исследование Н.М. Лебедевой, посвященное изучению психологической адаптации этнической группы к иной природной среде, показало, что существует тесная эмоционально-когнитивная связь этнической группы с природной средой места выхода (места формирования данного этноса); при длительном проживании в иной природной

среде у переселенцев наблюдается определенная психологическая переориентация (на глубоком психосемантическом уровне), медленная и охватывающая несколько поколений, сочетающая в себе элементы принятия и отчуждения как старой природной среды, так и новой. Кроме того, в упомянутом исследовании было выявлено, что перестройка эмоционально-когнитивных процессов категоризации касается не только психологического отношения к природной среде, но и отношения ко всему окружающему миру – как зримому, вещественному, так и незримому (культурному, духовному) [6]. Как отмечают ученые, являясь образованием чувственно-сверхчувственным, ментальное пространство заявляет о себе особенностями образа жизни человека (тем, что он делает в мире), особенностями образа мира (как он понимает и интерпретирует для себя мир) и особенностями ценностно-смыслового устройства собственного жизненного мира (В.И. Кабрин, В.Е. Ключко и др.). Таким образом, разрыв внешних связей с ментальным пространством человека отражается на его внутренних переживаниях и может иметь самые серьезные последствия для внутреннего мира личности, ее мировосприятия и осознания целей и перспектив своей собственной жизни, а также построения взаимоотношений с другими людьми и самим собой.

При формулировке гипотезы исследования мы исходили из ряда допущений. Характерной особенностью восприятия мира в ментальном пространстве малых народов Севера является ощущение слитности с окружающим миром, переживание целостности и синкретичности мира и себя как его неотъемлемой части. Психологический «разрыв» ценностного мира, присущего этим культурам, вследствие навязанной в свое время русификации не мог не привести к культурному конфликту, спровоцировавшему противоречия в мировосприятии, осмыслении и интерпретации мира. Специфика отношений к категории времени и временным характеристикам личности обусловлена данными противоречиями и заключается в нарушении равновесия в субъективном соотношении прошлого, настоящего и будущего в структуре временных характеристик, фиксации на прошлом (как позитивном, так и негативном), ощущении фрагментарности собственной жизни в настоящем, недостаточной выраженностью стремлений в будущем, что выступает препятствием к осмысленности жизни, затрудняет реализацию своих возможностей.

В исследовании приняли участие жители Камчатского края в возрасте от 16 до 59 лет. Экспериментальную группу составили представители коренных народов Севера: палеоазиатов (ительменов, коряков, чукчей) и народов тунгусско-маньчжурской группы (эвенов) – всего 96 человек (43 мужчины, 53 женщины). Признавая этническую уникальность каждого «малого» народа, мы считаем возможным объединение данных народов в одну группу по целому ряду факторов [2]. В конт-

рольную группу вошли представители русской национальности – 114 человек (51 мужчина, 63 женщины). Общее количество выборки на разных этапах исследования – 210 человек (94 мужчины, 116 женщин), средний возраст испытуемых – 29,7 года. Экспериментальная и контрольная группы были уравнены по полу, возрасту, уровню образования.

В эмпирическом исследовании для изучения семантического пространства понятия «время» использовался модифицированный 21-шкальный семантический дифференциал Т.С. Барановой [1]. Для измерения различных аспектов отношения субъекта к своему прошлому, настоящему и будущему использовался опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и др. [13]. Для изучения степени переживания субъектом осмысленности собственной жизни, включающей такие компоненты, как удовлетворенность процессом жизни и результатом самореализации в прошлом, наличие ясных целей и готовность к активности по их реализации, применялась методика смысловых ориентаций «СЖО» Д. Крамбо, Л. Махолика (в адаптации Д.А. Леонтьева) [7]. При обработке полученных результатов исследования применялись методы статистической обработки данных (корреляционный анализ, факторный анализ). Для определения статистической достоверности различий в характере распределения признаков использовался параметрический t-критерий Стьюдента. Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS for Windows V 13.0.

В результате применения метода семантических универсалий нами был получен список прилагательных, одинаково оцениваемых стимул «время» значимым большинством испытуемых при 20 %-ном диапазоне размаха средних значений. Результаты сравнения групповых семантических универсалий экспериментальной и контрольной групп представлены в табл. 1.

Как видим, в групповой семантической универсалии оценки представлений о времени в экспериментальной группе преобладают эмоционально окрашенные характеристики времени («Теплое», «Светлое»), приближенные по своему описанию к чему-то конкретному, непосредственно входящему в окружающий мир респондентов («Дружеское»), субъективно переживаемые респондентами как нечто интимное и близкое («Свое»); время выступает категорией, несущей мировоззренческий смысл («Истинное», «Разумное»). При этом время не описывается как нечто абстрактное, а, напротив, предельно предметно, наделяется чертами реального времени («Сложное», «Трудное»). Перечень характеристик, входящих в семантическую универсалию оценки времени респондентами контрольной группы, отличается иными смысловыми нагрузками. Так, по совокупности

Групповые универсалии стимула «время» в экспериментальной и контрольной группах

| Экспериментальная группа (n = 27) |                  | Контрольная группа (n = 34) |                  |
|-----------------------------------|------------------|-----------------------------|------------------|
| Дескрипторы                       | Среднее значение | Дескрипторы                 | Среднее значение |
| «Полезное»                        | -1,7             | «Движущееся»                | 2,45             |
| «Истинное»                        | 1,7              | «Прогрессивное»             | 2,18             |
| «Сложное»                         | -1,6             | «Значимое»                  | 2,09             |
| «Свое»                            | -1,5             | «Непрерывное»               | -2,0             |
| «Теплое»                          | 1,4              | «Полезное»                  | -2,0             |
| «Трудное»                         | 1,2              | «Содержательное»            | -1,82            |
| «Дружеское»                       | -1,1             | «Смелое»                    | -1,82            |
| «Разумное»                        | 1,1              | «Широкое»                   | -1,63            |
| «Светлое»                         | -1,05            | «Сложное»                   | -1,63            |

дескрипторов в группе русских респондентов время представляется чем-то объективно существующим, отстраненным от внутренних переживаний субъекта, оцениваемым скорее рационально, причем в семантическом пространстве преобладают характеристики, соответствующие «типичным» для настоящего времени приметам: «Прогрессивное», «Движущееся», «Содержательное», «Значимое», «Непрерывное». Анализ дескрипторов семантических универсалий оценки представлений о времени в двух группах позволил выявить сходство всего по двум характеристикам времени – «Полезное» и «Сложное». Исходя из показателей средних значений по данным дескрипторам, можно сказать, что время в обеих группах представляется одинаково сложным (средние значения в экспериментальной (-1,6) и контрольной (-1,63) группах практически совпадают), но оценивается как более полезное респондентами контрольной группы (-1,7 и -2,0 в экспериментальной и контрольной группах соответственно).

Таким образом, анализ данных позволил констатировать наличие специфики семантического пространства относительно категории времени, которая выражается в различных наборах характеристик, используемых респондентами экспериментальной и контрольной групп при оценке представлений о времени. В группе представителей коренных народов Севера семантическое пространство времени в наибольшей степени соответствует ощущению близости с эмоциональными составляющими личности, что соответствует представлениям коренных народов Севера о слитности, синкретичности системы «Я – мир». Эмоциональный фон, который стоит за временными характеристиками личности респондентов, окрашивают чувства истинности, близости, дружбы и теплоты. В группе русских респондентов в семантическом пространстве категории «время» наблюдается отношение, которое можно обозначить отношением содержательности, значимости и прогрессивности времени.

Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо использовался для измерения различных аспектов отношения субъекта к своему прошлому, настоящему и будущему. По замечанию автора опросника, у каждого человека есть собственная временная перспектива, «точ-

ка видения», из которой человек смотрит на всю свою жизнь как через фильтр и тем или иным образом воспринимает свое прошлое, настоящее и будущее; благодаря этому фильтру общественный и индивидуальный опыт соотносится с временными категориями, что позволяет придать смысл и связанность прожитому опыту, кроме того, временная перспектива связана со стремлением к достижению, постановке целей, склонности к риску, поиску новых ощущений, влияет на суждения, решения и действия человека [13]. В табл. 2 приведены результаты сравнения полученных данных в двух выборках.

Как видно из табл. 2, представители коренных народов Севера, в сравнении с русскими респондентами, демонстрируют значимо более высокие баллы по всем субшкалам опросника, кроме шкалы «Гедонистическое настоящее» (по данной шкале отличия в группах не значимы). Анализ данных показал, что у северян более выражено общее пессимистическое, негативное отношение к прошлому, они более склонны к фиксации как на негативных, так и на позитивных событиях прошлого, неудовлетворенность прошлым объясняет большую ориентацию на цели, намеченные в будущем, однако будущие изменения связываются ими не с собственной активностью, а с фаталистическими ориентациями в настоящем. Таким образом, результаты показали, что у респондентов экспериментальной группы в субъективном соотношении прошлого, настоящего и будущего наблюдается нарушение равновесия, акцент перенесен на события прошлого (как позитивные, так и негативные), личность как будто живет воспоминаниями, идеализирует будущее с надеждой «возвращения» в прежние времена, не давая себе возможности ни получать удовольствия в настоящем, ни прорабатывать будущее, исходя из потребностей современной реальности.

Результаты статистического анализа данных, полученных по методике СЖО, представлены в табл. 3 и свидетельствуют о значимых различиях в показателях смысловых ориентаций у респондентов экспериментальной и контрольной групп. При этом необходимо заметить, что представители коренных народов Севера демонстрируют значимо более низкие показатели по всем субшкалам методики ( $p \leq 0,0001$ ,  $p \leq 0,001$ ,

Таблица 2

Описательная статистика данных по опроснику Ф. Зимбардо «Временная перспектива»

| Шкалы                     | Экспериментальная группа (n = 23) |                        | Контрольная группа (n = 34) |                        | Уровень значимости |
|---------------------------|-----------------------------------|------------------------|-----------------------------|------------------------|--------------------|
|                           | Среднее значение                  | Стандартное отклонение | Среднее значение            | Стандартное отклонение |                    |
| Негативное прошлое        | 3,02                              | 0,72                   | 2,45                        | 0,61                   | $p \leq 0,001$     |
| Гедонистическое настоящее | 3,37                              | 0,49                   | 3,36                        | 0,49                   | Не значимы         |
| Будущее                   | 3,59                              | 0,56                   | 3,37                        | 0,28                   | $p \leq 0,01$      |
| Позитивное прошлое        | 3,74                              | 0,66                   | 3,22                        | 0,42                   | $p \leq 0,001$     |
| Фаталистическое настоящее | 2,85                              | 0,64                   | 2,29                        | 0,55                   | $p \leq 0,001$     |

$p \leq 0,05$ ). Как видно из табл. 3, у представителей коренных народов Севера оказываются значимо более низкими показатели осмысленности, направленности в будущее, целеустремленности. Респонденты из контрольной группы, напротив, характеризуются наличием целей в будущем, которые придают жизни осмысленность и временную перспективу. Высокие показатели по шкале «Процесс, или эмоциональная насыщенность жизни» также преобладают в контрольной группе. Это свидетельствует о том, что респонденты контрольной группы воспринимают процесс своей жизни как более интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, чем представители народов Севера. В целом данная шкала позволяет определить степень удовлетворенности испытуемых своей жизнью в настоящем. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что представители коренных народов Севера менее удовлетворены существующим положением не только в настоящем, но и продуктивностью прожитой части жизни. На это указывают показатели шкалы «Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией». Показатели двух последних шкал подтверждают намеченную тенденцию – снижение в экспериментальной группе представлений о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, неверие в свои силы контролировать события собственной жизни.

Результаты корреляционного анализа между субшкалами методики СЖО и опросника временной перспективы показали, что существуют значимые положительные связи между фактором «Фаталистическое настоящее» и показателями шкал «Цели в жизни» (коэффициент корреляции Пирсона равен  $r = 0,443$ ;  $p < 0,05$ ) и «Процесс, или эмоциональная насыщенность жизни» ( $r = 0,532$ ;  $p < 0,01$ ), а также между фактором «Позитивное прошлое» и шкалой «Локус контроля – Я», или Я – хозяин жизни» в группе представителей коренных народов Севера и значимая отрицательная корреляционная связь между фактором «Фаталистическое настоящее» и шкалой «Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией» ( $r = -0,345$ ;  $p < 0,05$ ) в группе русских респондентов. Поскольку целеустремленность включает в себя процессы рефлексии, осмыс-

ленности жизни, то связь этого показателя с фаталистическими жизненными установками указывает на недостаточность личностно-смыслового уровня психологической саморегуляции в группе представителей коренных народов Севера. Кроме того, как показало исследование, фаталистическая установка по отношению к настоящему (построение своей жизни, следуя логике обстоятельств, воле других людей или случаю) связана с тем, как воспринимает личность процесс своей жизни. Оказалось, что доминирующим переживанием в таком случае является ощущение подчиненности, отчужденности, фрагментарности собственной жизни, ощущение себя не в своем времени. А для респондентов контрольной группы фаталистическая установка по отношению к настоящему препятствует проявлению удовлетворенности самореализацией, возникновению ощущения продуктивности и осмысленности прожитой части жизни. Вместе с тем результаты в группе коренных народов Севера показали, что только связь с прошлым позволяет человеку контролировать свою жизнь, свободно принимать решения, реализовывать свои возможности, осуществлять себя согласно своим потребностям и целям. Жизнь в настоящем и будущем раскрывает свое содержание через рассмотрение ее как поля разнообразных возможностей прошлого позитивного опыта.

Следующим этапом исследования стал факторный анализ показателей шкал двух методик (СЖО и опросника временной перспективы) с целью выявления особенностей внутренних взаимосвязей временных характеристик личности с ценностно-смысловым содержанием жизненного мира респондентов разной этнокультурной принадлежности. Переход от признаков, заданных шкалами, к факторам, как известно, является формой обобщения, способом более емкого описания с помощью меньшего набора категорий-факторов. В результате факторного анализа были выявлены различия в факторных структурах временных характеристик личности в двух группах (табл. 4).

Как видно из табл. 4, респонденты экспериментальной группы имеют менее сложную структуру временных характеристик личности, чем респонденты контрольной группы. Это выражается в количестве факторов, а также в содержании переменных, образовавших факторы. В экспериментальной группе выделились три фактора. В пер-

Таблица 3

Описательная статистика данных по методике СЖО

| Шкалы                                                         | Экспериментальная группа (n = 46) |                        | Контрольная группа (n = 46) |                        | Уровень значимости |
|---------------------------------------------------------------|-----------------------------------|------------------------|-----------------------------|------------------------|--------------------|
|                                                               | Среднее значение                  | Стандартное отклонение | Среднее значение            | Стандартное отклонение |                    |
| Осмысленность жизни                                           | 88,59                             | 26,19                  | 101,86                      | 18,46                  | $p \leq 0,05$      |
| Цели в жизни                                                  | 24,47                             | 10,03                  | 33,02                       | 6,50                   | $p \leq 0,001$     |
| Процесс, или эмоциональная насыщенность жизни                 | 26,93                             | 11,08                  | 33,15                       | 4,94                   | $p \leq 0,0001$    |
| Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией | 18,23                             | 8,51                   | 24,45                       | 6,25                   | $p \leq 0,05$      |
| «Локус контроля – Я», или Я – хозяин жизни                    | 14,58                             | 7,65                   | 22,30                       | 4,85                   | $p \leq 0,001$     |
| «Локус контроля – жизнь», или управляемость жизнью            | 17,80                             | 7,73                   | 25,93                       | 5,22                   | $p \leq 0,05$      |

Таблица 4

Факторная структура данных экспериментальной и контрольной групп (метод главных компонент, вращение Varimax)

| Экспериментальная группа (n = 46)<br>(процент выбираемой дисперсии 74,35%)                                                                                                                                                                                                                                                  | Контрольная группа (n = 46)<br>(процент выбираемой дисперсии 74,24%)                                                                                                                                                                                                                                                                                    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <b>Фактор 1</b> (43,16%): Цели (0,933), Результат (0,886), Процесс (0,861), Локус «Я» (0,858), Локус «Жизнь» (0,857)<br><b>Фактор 2</b> (18,34%): Негативное прошлое (0,807), Фаталистическое настоящее (0,729), Будущее (0,682)<br><b>Фактор 3</b> (12,85%): Позитивное прошлое (0,928), Гедонистическое настоящее (0,431) | <b>Фактор 1</b> (32,83%): Локус «Я» (0,929), Цели (0,877)<br><b>Фактор 2</b> (16,83%): Результат (0,862), Локус «Жизнь» (0,724), Процесс (0,554)<br><b>Фактор 3</b> (13,31%): Негативное прошлое (0,839), Фаталистическое настоящее (0,729), Гедонистическое настоящее (0,562)<br><b>Фактор 4</b> (11,27%): Позитивное прошлое (0,761), Будущее (0,748) |

*Второй фактор* вошли все компоненты методики СЖО. Содержательно можно предположить, что данный фактор отражает переживания субъектом осмысленности собственной жизни, включающей такие компоненты, как удовлетворенность процессом жизни и результатом самореализации в прошлом, наличие ясных целей и готовность к активности по их реализации. По своему внутреннему содержанию этот фактор может называться «рефлексивным». В состав *второго* и *третьего факторов* вошли переменные, отражающие отношение человека к своему прошлому, настоящему и будущему. *Второй фактор* обнаруживает, что негативное прошлое, фаталистическое настоящее и будущее связаны между собой. Очевидно, что для респондентов экспериментальной группы фиксация на негативном прошлом способствует принятию позиции неверия в свои силы и невозможности что-то изменить в настоящем и будущем. *Третий фактор* составили характеристики, связывающие позитивное прошлое и гедонистическое настоящее. Содержание этого фактора отражает позицию, согласно которой прошлое человека является основой для понимания смысла жизни, состоящего в том, чтобы получать удовольствие, испытывать счастье, получать как можно больше ощущений и переживаний в настоящем. Причем наибольшую факторную нагрузку несет переменная «Позитивное прошлое», именно она во

многом определяет связанную с ней переменную, а именно то, как будет ощущать себя человек в настоящем.

В контрольной группе в *первый фактор* вошли компоненты, описывающие целеустремленную личность, способную брать на себя ответственность и готовую к активности по реализации целей в своей жизни. Это позволяет говорить о том, что в представлении респондентов контрольной группы существует убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Составляющие *второго фактора* связаны с ситуацией реализации, осуществления действия. При этом включение в него продуктивности и осмысленности прожитой жизни и стремления к изменениям свидетельствуют также о готовности преодолевать преграды, возникающие на пути. Именно этот фактор наиболее тесно содержательно связан с саморегуляцией и самодетерминацией. По всей видимости, он отражает способность последовательно, гибко и целеустремленно идти к достижению уже поставленной цели. Получается, что для достижения намеченного результата самому человеку необходимо осуществлять контроль, а не надеяться на волю случая.

Структура *третьего фактора* практически совпадает со структурой второго фактора в эксперименталь-

ной группе, за исключением последнего компонента – гедонистического настоящего. В группе представителей малых народов Севера негативное прошлое связывается, помимо фаталистического настоящего, с будущим, для респондентов контрольной группы эта связь относится только к гедонистическому настоящему, т.е. рассматривается стремление получать удовольствие без активности со стороны личности только как компенсация за негативные переживания в прошлом. *Четвертый фактор* объединяет переменные «Позитивное прошлое» и «Будущее». Основой данного фактора выступает понимание того, что прошлое способно придать смысл остатку жизни и влиять на будущее. Анализ данного фактора позволил прийти к заключению о том, что существует качественное различие в отношении к своему будущему у респондентов двух групп. Так, представители коренных народов Севера, в отличие от русских респондентов, связывают будущее с негативными переживаниями в прошлом и невозможностью, вследствие этого, надеяться на позитивные перемены и в настоящем, и в будущем. Отсюда вытекает особое отношение к жизни – отсутствие стремления что-либо изменить, «жизнь по течению», фаталистическая ориентация и неверие в свои силы.

Итак, как показали результаты нашего исследования, нарушение равновесия в субъективном соотношении прошлого, настоящего и будущего в структуре временных характеристик личности представителей малых народов Севера создает ощущение фрагментарности собственной жизни в настоящем, недостаточной выраженности стремлений будущего, что блокирует активность личности, затрудняет реализацию ее возможностей, выступает препятствием к осмысленности жизни в целом. С одной стороны, это свидетельствует о непреходящей значимости согласования временной упорядоченности внутреннего мира личности, равновесия в структуре ее временных характеристик, с другой – дает представление о путях развития и совершенствования осмысленности жизни через снижение выраженности агармонических переменных временной перспективы личности.

Таким образом, результаты исследования открывают новые возможности и перспективы в изучении временных характеристик личности, их влияния на ценностно-смысловые основы жизненного мира, что может способствовать разработке программ развития и коррекции этих характеристик в зависимости от особенностей ментального пространства личности.

### Литература

1. Баранова Т.С. Семантический дифференциал как метод измерения социальной идентичности // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 59–88.
2. Бучек А.А. Социально-психологические особенности формирования этнической идентичности коренных народов Камчатки. Петропавловск-Камчат. Изд-во КГПУ, 2004. 173 с.
3. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. 330 с.
4. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. С. 86.
5. Кыштымова И.М. Психосемантический анализ текста: диагностическое значение категории «время» // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 50–54.
6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию: Учеб. пособие. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
7. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. 16 с.
8. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. С. 455.
9. Постановление о Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации от 24 марта 2000 г. // Северные просторы. 2000. № 1. С. 63.
10. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2002. С. 323.
11. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005. 639 с.
12. Серкин В.П. Бланк семантического дифференциала для оценки представлений о времени (переживания времени) // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 31–35.
13. Сырцова А., Соколова Е.Г., Митина О.В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–106.
14. Титаренко Т.М. Пространственно-временные проблемы измерения жизненного мира личности в онтологической плоскости // Психология личности и время. Черновцы, 1991. Т. 1. С. 17–19.
15. Штомпель Л.А. Время как код культуры // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Т. 2: Историческая культурология / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб.: Алетей, 2008. С. 308–315.

### CATEGORY OF TIME IN MENTAL SPACE OF THE PERSON (ON THE EXAMPLE OF SMALL PEOPLE OF THE NORTH)

Buchek A.A. (Petropavlovsk-Kamchatsky)

**Summary.** Clause is devoted to the description of the basic results of empirical research of a category of time in representation of small people of the North. The opportunity of its use for the analysis of understanding of semantic bases of the vital world in mental space of the person is shown.

**Key words:** mental space of the person; a category of time; people of the North.